

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.6)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-77-85

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ «ОСКОРБЛЕНИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

© *Марина Валерьевна Лесняк*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

mvlesnyak@sfedu.ru

Аннотация. Проводится анализ коммуникативной ситуации «Оскорбление» в позиции функциональной прагмалингвистики. Оскорбление понимается как осознаваемое средство конструирования политического дискурсивного пространства, в основе которого лежит прагматическое намерение оскорбить адресата с целью получить преимущество в коммуникации. В качестве эффективного инструмента речевого воздействия и регулирования процесса коммуникаций оскорбление анализируется в таком сегменте политического дискурса как политический медиадискурс. В статье предлагается модель коммуникативной ситуации оскорбление, которая включает такие компоненты, как адресат, адресант, цель, канал связи, обстановка и контекст, перлокутивный и посткоммуникативный эффект. Особый интерес в построенной модели представляют два последние компонента. Все компоненты рассмотрены по отдельности и проиллюстрированы на материале немецкого языка.

Ключевые слова: политический дискурс, медиадискурс, коммуникативная ситуация, оскорбление, моделирование социального взаимодействия.

Для цитирования: Лесняк М.В. Коммуникативная ситуация «Оскорбление» в политическом медиадискурсе (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 98. № 3. С. 77-85. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-77-85

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.6)

Original article

The communicative situation “Insult” in the political discourse (on the material of the German language)

© *Marina V. Lesnyak*

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation

mvlesnyak@sfedu.ru

Abstract. The article introduces a pragmalinguistic analysis of the communicative situation of “Insult”. Insult is demonstrated as a conscious means of constructing a political discursive space, which is based on the pragmatic intention to offend the addressee in order to gain an advantage in communication. As an effective tool of speech influence and regulation of the communication process, insult is analyzed in such a segment of political discourse as political media discourse. The article proposes a model of the communicative situation of insult, which includes such components as the addressee, addresser, goal, communication channel, setting and context, perlocutionary and post-communicative effect. Of particular interest in the constructed model are the last two components. All components are considered separately and illustrated on the material of the German language.

Key words: political discourse, mediadiscourse, communicative situation, insult, modelling of social interaction.

For citation: Lesnyak M.V. The communicative situation “Insult” in the political discourse (on the material of the German language). *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 98. No 3. P. 77-85. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-77-85

Введение

Современный политический дискурс характеризуется высокой степенью конфликтности, что представляется естественным в условиях актуального коммуникативного контекста. В политической сфере это зачастую агрессивный тип общения, не только отража-

ющий социальные интеракции, но и провоцирующий действия участников коммуникации вербального и невербального характера как на уровне межличностного, так и на уровне межгосударственного общения. Недаром понятие информационной войны прочно вошло в обиход современных СМИ и стало известно широкой аудитории. Однако информационные баталии разворачиваются и между отдельными политическими актантами, представляющими конкретную политическую силу или институт. При этом оскорбление в публичном пространстве становится сегодня скорее обыденностью, чем табуированным вербальным действием, поскольку применяется даже дипломатами, т.е. представителями такой профессиональной среды, в которой принято избегать конфликтов, если это представляется возможным, и решать их без какого бы то ни было рода агрессии, если конфликт уже возник.

В связи с вышесказанным возникают некоторые вопросы: в каком сегменте политического дискурса наиболее часто появляется оскорбление? Является ли оскорбление случайным выбором говорящего или вербальным инструментом в политическом дискурсе? Какова модель коммуникативной ситуации «оскорбление»? Ответы на данные вопросы предлагает нам прагмалингвистический подход, в центре которого находится проблематика взаимоотношений человека и языка, а именно: оптимального выбора наиболее подходящих речевых единиц в конкретной коммуникативной ситуации для максимального воздействия на получателя сообщения. Если речевое поведение и репрезентирующие его коммуникативные стратегии и тактики многократно и многоаспектно подвергались изучению, то описание коммуникативных ситуаций, как и их каталогизация представляет собой лакунарную тематическую область, и, соответственно, вызывает научный интерес. Этим и обуславливается *актуальность* данной работы.

Цель исследования состоит в описании модели коммуникативной ситуации «оскорбление» с позиции прагмалингвистики на материале немецкого языка. *Объектом* рассмотрения становятся компоненты коммуникативной ситуации «оскорбление» в политическом массмедийном дискурсивном поле. Обозначенная цель определила *методы исследования*, а именно: метод контекстуального и интерпретативного анализа, а также метод моделирования коммуникативной ситуации.

Материалом исследования послужили немецкоязычные новостные издания, имеющие также онлайн-версии, новостные вебсайты, видеоролики, онлайн-версии телепередач.

Методология данной работы будет опираться на интегративный подход, совмещающий в себе методы политической лингвистики, которая описывает различные аспекты политического дискурса, достижения современной прагмалингвистики для характеристики прагматического измерения и компонентов исследуемой коммуникативной ситуации, базовые положения лингвистической экспертизы текста привлекались для изучения номинации «оскорбление».

Обсуждение и результаты

Политический медиадискурс часто становится объектом пристального внимания лингвистов и изучается в рамках дискурсивного [5], лингвокультурологического [8; 10; 13], психолингвистического подходов [4]. В рамках прагматического подхода проведены исследования, посвященные различным аспектам политического медиадискурса. Так, работа И.И. Климовича рассматривает универсальные критерии восприятия политических текстов без учета индивидуальных характеристик коммуникантов [9]. В главе 2 коллективной монографии, посвященной исследованию конструирования межнациональных отношений Российской Федерации, предпринимается попытка семантико-прагматического анализа внешнеполитического дискурса по оппозиции «сила-слабость» [6, с. 25–95].

Продолжая лингвопрагматические традиции, мы будем рассматривать политический медиадискурс с позиции функциональной прагмалингвистики, где особое значение приобретает осознаваемое речевое воздействие на получателя медиатекста путем выбора оптимальных речевых единиц. Таким образом, в фокусе внимания находится не столько отражение разного рода политических коммуникаций, сколько намеренное конструирование дискурсивного пространства для достижения коммуникативных целей. Учитывая текстологическое многообразие, т.е. совокупность устных и письменных медиатекстов, распространяемых

СМИ, целесообразно утверждать, что политический медиадискурс носит публичный характер, что проявляется в ориентации на множественного (или коллективного) [3, с. 18] и массового адресата. Множественный адресат отличается от массового возможностью участия в коммуникации и предоставления обратной связи адресанту. С развитием интернет-коммуникаций можно говорить о том, что каждый, кто имеет доступ к информации через Интернет, является множественным адресатом. Иными словами, политический медиадискурс включает в себя выполнение действующими лицами коммуникативных задач во взаимодействии с третьей «слушающей», «смотрящей» и «читающей» стороной.

Поскольку интернет является наиболее динамичной, высокоскоростной в плане коммуникаций, а также, до определенной степени, анонимной средой, то можно предположить, что оскорбления появляются здесь быстрее и чаще, чем в других сегментах политического дискурса. Хотя они могут быть также быстро изъяты из публичного доступа, либо заблокированы, либо цензурированы. Подобное понимание политического медиадискурса дает нам основание предположить, что оскорбление, которое относится к агрессивным речевым действиям, появляется в публичном коммуникативном пространстве не спонтанно и неосознанно, а с целью решения стратегических задач, как, например, дискредитация политических противников [12, с. 530] или формирование определенных политических настроений в обществе.

Для корректной интерпретации понятия оскорбление следует отделять лингвистическую трактовку от правовой и этической по следующим критериям: по объекту, предмету, форме, выражению и умыслу [2, с. 35]. Так, Т.Ю. Виноградова, А.Н. Сурина полагают, что в лингвистике объектом оскорбления является конкретная личность, предметом – причинение морального вреда, формой и выражением – оскорбительные по мнению пострадавшего поступки или слова, а умысел при данном подходе не важен. Позволим себе поспорить с двумя последними положениями, поскольку у коммуникантов может быть разное представление об оскорблении, которое часто подменяется субъективной интерпретацией конкретных лексем и может быть обусловлено обидой, либо личной неприязнью. Например, кто-то может обидеться, если его назовут «неадекватным», а кто-то не посчитает оскорбительным даже номинацию «идиот», потому что в его окружении такое общение является нормой. Эти параметры зависят от прагматических характеристик участников общения и параметров коммуникативной ситуации.

Приведем пример коммуникативной ситуации оскорбления с участием высокопоставленного политика в Германии, которая была широко освещена в прессе и вызвала большой общественный резонанс. Бывший председатель социал-демократической партии Германии (СДПГ) Курт Бек бросил фразу в адрес безработного в ответ на критику реформы социальной поддержки: *«Wenn Sie sich waschen und rasieren, haben Sie in drei Wochen einen Job»* – Если Вы помоеетесь и побриетесь, то через три недели получите работу (здесь и далее перевод автора) [24, URL]. Журналисты, присутствовавшие при этой встрече, утверждают, что слышали осуждение со стороны вокруг стоявших людей. На что господин Бек отреагировал такой фразой: *"S' Lebbe iss doch, wie's iss" – "Das Leben ist doch, wie es ist." – Такова жизнь.* В своем высказывании политик не употребил ни инвективной лексики, ни лексем с негативной оценкой или «осуждающей» семантикой, однако его высказывание было воспринято как оскорбительное не только самим реципиентом, но и аудиторией. Анализ коммуникативной ситуации показывает, что первая часть высказывания *«Wenn Sie sich waschen und rasieren...»*, не приемлема в отношении безработного человека и осуждается в современном немецком обществе. Эта ситуация была названа в немецкой прессе провалом и нанесла имиджевый урон не только самому политику, но и партии, которую он представляет.

Что касается умысла, то в коммуникативных рамках политического дискурса он присутствует в виде интенции – коммуникативного намерения говорящего, имеющего речевое выражение и включающего иллокутивный и перлокутивный аспект. Соответственно, иллокутивное воздействие соотносится с говорящим, а перлокутивный эффект измеряется воздействующим потенциалом речи с прагматическими ожиданиями реципиента. Поскольку поли-

тический медиадискурс — это максимально осознаваемый вид деятельности, направленный, как было упомянуто выше, на моделирование общественных установок и реакций, то оскорбление может выступать в качестве инструмента речевого воздействия.

Это особенно иллюстративно для внешнеполитических дискурсивных практик. Внешнеполитический дискурс является достаточно регулируемой институциональной сферой общения и строго ограничен правилами дипломатии, поэтому появление оскорбления в данном виде дискурса заставляет задуматься над тем, что оскорбление применяется в качестве речевого средства, обладающего значительным воздействующим потенциалом. Поэтому в нашей работе оскорбление понимается с точки зрения прагмалингвистики как «*намерение* нанести урон чувству собственного достоинства, «опустить человека», унижить, дискредитировать и т.п., чтобы иметь возможность получить преимущество в коммуникации» [12, с. 530].

Ситуация, в которой «порожден или произнесен спорный текст» [14, с. 16], включая экстралингвистические факторы, называется коммуникативной. Коммуникативная ситуация оскорбления подлежит тщательному анализу, т.к. установление и описание ее компонентов могут повлиять на итоговое заключение лингвистической экспертизы или позволит выявить манипулятивные приемы, с помощью которых конструируется альтернативная политическая действительность, что несомненно представляет ценность в условиях ведения информационных войн.

Рассмотрим коммуникативную ситуацию оскорбления в политическом медиадискурсе с позиции функциональной прагмалингвистики, т.е. лингвистического направления, в рамках которого изучается открытое речевое воздействие, когда «отправитель информации осознанно выбирает языковые единицы для достижения поставленной цели, его выбор продуман и взвешен, а получатель информации фиксирует в сознании этот выбор» [11, с. 86–87]. В соответствии с такой характеристикой медиадискурса как намеренное моделирование коммуникативного пространства выбор в коммуникативной ситуации оскорбления также представляется намеренным и продуманным и выступает в качестве инструмента моделирования социального взаимодействия [1, URL]. Этот выбор определяется в том числе и компонентами/элементами/параметрами коммуникативной ситуации, которая представляет собой совокупность экстралингвистических элементов, иначе говоря, внешнюю структуру речевого акта [11, с. 37–39].

Однако перечень составляющих коммуникативной ситуации и по сей день остается весьма динамичным, не совпадает у разных исследователей [21; 22; 23]. В самом общем виде можно выделить следующие компоненты коммуникативной ситуации: участники (адресант и адресат) коммуникативной ситуации, их взаимоотношения и роли, коммуникативная цель, канал связи, код, обстановка и контекст. В расширенных моделях учитывается также эффект, т.е. изначально планируемый и непредвиденный результат. Каждый компонент коммуникативной ситуации выполняет конкретную функцию. Не останавливаясь на перечислении каждой из них, отметим, что для прагмалингвистических исследований особую важность приобретает директивная или в другой терминологии «прагматическая» функция или побудительная, целью которой является осуществление прагматического намерения.

Остановимся на следующих компонентах коммуникативной ситуации оскорбления, которые представляются нам релевантными для нашей работы:

1. *Адресант/отправитель сообщения*: в политическом медиадискурсе адресантом может выступать политический актер (политик, представляющий себя, политическую группу, например, партию, или корпоративный политический субъект, например, государство), либо представители СМИ. Представители политического электората становятся адресантами в том случае, как только дают обратную связь, выражая свое мнение по какому-то поводу. Это особенно очевидно в интернет-коммуникации, когда после опубликованной статьи, либо размещенного видео, появляются комментарии, выражающие согласие/несогласие, поддержку/осуждение участников коммуникативной ситуации.

2. *Адресат/получатель сообщения*: эту роль выполняет, как правило, политический электорат, который и является третьей стороной в ситуации общения. Несмотря на то, что непосредственными актантами коммуникативной ситуации оскорбление могут быть непосредственные реципиенты, как например, журналисты, если речь идет об интервью с представителем власти, либо другие политические акторы, если речь идет о выступлении в парламенте, истинными получателями и интерпретаторами информации являются те, кто способен повлиять на власть путем выборов, осуждения, свержения и т.д.
3. *Коммуникативная цель*: в коммуникативной ситуации оскорбления преследуемой целью адресанта является вызвать определенную реакцию политического электората и/или оппонента. В основе прагматического стратегического намерения оскорбить лежит задача ввергнуть адресат в стрессовое состояние, внести дестабилизацию в его картину мира и таким способом спровоцировать необходимую ответную реакцию, причем не только в вербальном выражении.

Поскольку агональность и борьба за власть признается сущностной характеристикой политического дискурса вообще и политического медиадискурса в частности, то можно предположить, что целью адресата в коммуникативной ситуации оскорбления является вербальная или невербальная реакция на оскорбление. Так, в случае успешного отражения вербальной атаки, например, немедленная словесная реакция в речевой ситуации диалога, интервью, конференции и т.п., либо удачный комментарий в соцсетях, может не только удержать, но и повысить политическую влияние политического оппонента, либо направить формирование политических настроений в нужном адресату русле;

4. *Канал связи и формы речевой деятельности*: в коммуникативной ситуации оскорбления канал связи будет объединять в себе вербальный и невербальный аспекты, однако определяющее значение для лингвистики имеет первый. Формы речевой деятельности включают в себя как устную, так и письменную речь.
5. *Обстановка и контекст*: в рамках политического медиадискурса для характеристики обстановки особое значения приобретает официальный характер коммуникации, поскольку все информационные потоки жестко регулируются или должны регулироваться правилами этикета, дипломатического протокола, выбором «правильных» языковых форм. Поэтому оскорбление (инвективы, неприличная форма) является в данном сегменте дискурса недопустимым приемом и применяется осознанно, в качестве средства манипуляции. Коммуникативная ситуация оскорбления носит изначально конфликтный характер, однако в политической коммуникации именно такая ситуация позволяет проявить максимально эффективные профессиональные характеристики политика, претендующего на роль лидера. Так, например, умение реагировать на оскорбление с достоинством, как и умение вывести соперника из равновесия, очернив перед электоратом, являются довольно распространенными приемами современных игроков политической арены.

Из четырех видов контекста (ситуационный, стереотипизированный, культурный и контекст жизненного опыта каждого из участников), выделяемых И.М. Шеиной [17, с. 55], определяющими для коммуникативной ситуации оскорбления в политическом медиадискурсе являются ситуационный и стереотипизированный, т.е. фреймовый.

6. *Перлокутивный и посткоммуникативный эффект*: нам представляется важным выделять перлокутивный и посткоммуникативный эффекты как отдельную составляющую коммуникативной ситуации оскорбления, потому что речевые действия, как, например, согласие/несогласие с оппонентом, как и невербальные действия, т.е. посткоммуникативный эффект в политическом дискурсе могут нести значительные последствия. Так, посткоммуникативный эффект ситуации оскорбления может выражаться в том, что оскорбитель понесет административную ответственность, либо, прослушав выступление политика, проголосует за соответствующую политическую группу или переведет денежные средства в чью-либо поддержку. В качестве перлокутивного эффекта может быть оставленный комментарий под соответствующей публикацией или видеороликом.

Рассмотрим коммуникативную ситуацию «Оскорбление» на примере очень резонансного комментария бывшего посла Украины в Германии Андрея Мельника одному из самых влиятельных новостных агентств Германии – Deutsche Presse-Agentur. После того, как действующий канцлер Олаф Шольц отказался ехать в Киев в связи с отменой визита Франка-Вальтера Штайнмайера, господин Мельник отреагировал фразой: *"Eine beleidigte Leberwurst zu spielen, klingt nicht sehr staatsmännisch."* – «*Разыгрывать оскорбленную невинность не очень достойно государственного деятеля*» [18]. Выражение «*Eine beleidigte Leberwurst*» относится к сниженной лексике и снабжено в цифровом словаре немецкого языка (DWDS) маркерами «презрительно», «иронично» [19]. Любопытно, что российские СМИ растиражировали эту фразу в дословном переводе «*Разыгрывать обиженную ливерную колбасу – не очень по государственному*» [20].

Адресантом данной коммуникативной ситуации является А. Мельник. Адресатом – О. Шольц и его политическое окружение. Коммуникативной целью адресанта было побудить канцлера Германии совершить визит в Киев, либо вызвать реакцию политического окружения, чтобы оказать давление на политика. Официальный, дистанцированный регистр общения был нарушен, что сразу же вызвало волну критики и дискуссий в пространстве немецкого политического дискурса. Такое речевое поведение было определено пользователями в соцсетях как дерзость – «*Frechheit*» и бесстыдство «*Unverschämtheit*», а политиками как «недипломатичное» – «*undiplomatisch*» и неподобающее – «*unangemessen*» поведение. Иначе говоря, данная коммуникативная ситуация была воспринята получателем сообщения и аудиторией как оскорбительная. А представитель свободной демократической партии Германии (СДПГ) Мари-Агнес Штрак-Циммерманн выразила мнение, что ввиду такой полемики солидарность немецкого населения с Украиной может исчезнуть.

Несмотря на то, что выбор подобного выражения со стилистически сниженным значением не является оскорблением с точки зрения немецкого права [25, URL], но перлокутивным эффектом стала широкая общественная дискуссия с негативными комментариями в адрес отправителя сообщения, что несомненно привело к личным имиджевым потерям, а посткоммуникативным эффектом стало изменение общественных настроений в Германии в отношении конфликта на Украине. Как мы видим, все вышеуказанные параметры коммуникативной ситуации подлежат детальному изучению для установления воздействующего потенциала речевой коммуникации.

Выводы

Предложенная модель коммуникативной ситуации оскорбления рассмотрена в ключе функциональной прагмалингвистики, что позволяет внести дополнения в описание прагматического пространства политического медиадискурса, распознать скрытые прагматические намерения коммуникантов и, соответственно, выбирать уместное стратегическое речевое поведение. Особенно важным при данном подходе представляется включение в модель и выделение в качестве отдельных компонентов коммуникативной ситуации перлокутивного и посткоммуникативного эффекта.

Список источников

1. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) / Пер. на русский язык статьи: R.M. Blakar. Language as a means of social power. In: Pragmalinguistics, J. Mey (ed.). The Hague – Paris, Mouton, 1979. P. 131–169. – URL: http://www.enlightenmebook.com/view/блакар-рм-Язык-как-инструмент-социальной-власти_5562e1ca816.html (дата обращения 14.10.2013).
2. *Виноградова Т.Ю., Сурина А.Н.* Концепт «оскорбление»: правовой, этический и лингвистический аспекты анализа русскоязычных текстов // Вестник ТГГПУ. 2020. № 1 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-oskorblenie-pravovoy-eticheskiy-i-lingvisticheskiy-aspekty-analiza-russkoyazychnyh-tekstov> (дата обращения 05.11.2022).

3. *Воронцова Т.А.* О соотношении понятий публичный дискурс – язык СМИ – публичная речь // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2008. Вып. 3. С. 17–22.
4. *Градосельская Г.В., Пильгун М.А.* Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). С. 44–57.
5. *Добросклонская Т.Г.* Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований // Язык и социальная динамика. 2014. № 14-1. С. 106–115.
6. *Дубровская Т.В., Рева Е.К., Кожемякин Е.А., Ярославцева Я.Е., Арехина Д.В.* Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации. М.: Изд-во: Флинта; Наука. 2017. 243 с.
7. *Желтухина М.Р.* Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие – восприятие – интерпретация // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. С. 38–51.
8. *Иванова С.В.* Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 29–33.
9. *Климович Н.И.* Восприятие политического дискурса: коммуникативно-прагматическое измерение // Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 3 (15) / Гл. ред. В.А. Иовенко. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 14–24.
10. *Леонтович О.А.* From russia with love: культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 20–23.
11. *Матвеева Г.Г.* Основы прагмалингвистики: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2022. 205 с.
12. *Матвеева Г.Г., Зюбина И.А., Лесняк М.В., Муругова Е.В.* Прагмалингвистический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуации «Оскорбление» // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. Сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. С. 529–558.
13. *Радищева В.О., Синеокая Н.А.* Лингвокультурологическая маркированность немецкого политического дискурса (на материале публичных политических выступлений Ангелы Меркель) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-3 (65). С. 159–164.
14. *Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В.* Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие. / Под науч. ред. проф. И.А. Стернина. Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2013. 80 с.
15. *Сулина О.В.* Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 217–222.
16. *Чекунова М.А.* Политические интернет-коммуникации в современном общественном дискурсе: проблема контекстуализации // Вестник МГОУ. 2017. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-internet-kommunikatsii-v-sovremennom-obshchestvennom-diskurse-problema-kontekstualizatsii> (дата обращения 05.12.2022).
17. *Шеина И.М.* Опыт создания модели процесса коммуникации для ситуаций межкультурного общения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 51–56.
18. "Beleidigte Leberwurst": Ukraines Botschafter Melnyk in der Kritik. – URL: <https://www.ndr.de/kultur/sendungen/journal/Der-ukrainische-Botschafter-bezeichnet-Scholz-als-beleidigte-Leberwurst,melnyk136.html> (дата обращения 14.10.2022).
19. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/wb/beleidigte%20Leberwurst> (дата обращения 09.01.2023).

20. «Обиженная ливерная колбаса». Украинский посол придумал прозвище канцлеру ФРГ Шольцу. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27387/4581786/> (дата обращения 24.10.2022).
21. *Brown P.* Speech as a Marker of Situation // *Social Markers in Speech* / K.R. Scherer, H. Giles (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 33–62.
22. *Hymes D.* The ethnography of speaking // *7 Anthropology and human behavior* / Giadwith Th., Srurtevant W. (eds.). Washington, DC: Anthropological society of Washington, 1962. P. 13–53.
23. *Jackobson R.* Linguistics in Relation to Other Sciences // *Selected Writings of Roman Jakobson*. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1971. P. 655–696.
24. Kurt Becks Arbeitslosen-Schelte "Waschen und rasieren, dann kriegen Sie auch einen Job" Von Björn Hengst und Carsten Volkery. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/kurt-becks-arbeitslosen-schelte-waschen-und-rasieren-dann-kriegen-sie-auch-einen-job-a-454389.html> (дата обращения 23.01.2023).
25. Nathanael van der Beek, Erlaubte Interessensvertretung oder unzulässige Einmischung?: Der ukrainische Botschafter und das Diplomatenrecht, *Völkerrechtsblog*, 20.04.2022, doi: 10.17176/20220420-182045-0. – URL: <https://voelkerrechtsblog.org/erlaubte-interessensvertretung-oder-unzulaessige-einmischung/> (дата обращения 12.12.2022).

References

1. *Blakar R.M.* Language as a means of social power (theoretical and empirical studies of language and its use in a social context) / Translated into Russian: R.M. Blakar. Language as a means of social power. In: *Pragmalinguistics*, J. Mey (ed.). The Hague-Paris, Mouton, 1979. P. 131–169. – URL: http://www.enlightenmebook.com/view/blakar-rm-Language-as-a-tool-of-social-power_5562e1ca816.html (accessed 14.10.2013).
2. *Vinogradova T.Yu., Surina A.N.* The concept of abuse: legal, ethical and linguistic aspects of Russian-Language text analysis // *Bulletin of the TSGPU*. 2020. No. 1 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-oskorblenie-pravovoy-eticheskij-i-lingvisticheskij-aspekty-analiza-russkoyazychnyh-tekstov> (accessed 05.11.2022).
3. *Vorontsova T.A.* On the correlation between the concepts public discourse, language of mass media and public speech // *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology*, 2008. Issue. 3. P. 17–22.
4. *Gradoselskaya G.V., Pilgun M.A.* Communicative Processes in the Network Environment: the Interdisciplinary Analysis of Politically Active Communities on Facebook // *Journal of Psycholinguistics*. 2015. No. 4 (26). P. 44–57.
5. *Dobrosklonskaya T.G.* Political media discourse within the context of discourse studies // *Language and social dynamics*. 2014. No. 14-1. P. 106–115.
6. *Dubrovskaya T.V., Reva E.K., Kozhemyakin E.A., Yaroslavtseva Ya.E., Arekhina D.V.* Political, legal and mass media discourse in terms of discursive construction of Russia's international and interethnic relations. Moscow: Flinta: Nauka Publ, 2017. 243 p.
7. *Zheltukhina M.R.* Political and mass media discourses: influence – perception – interpretation // *Language, consciousness, communication: Sat. articles* / Rep. ed. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. M.: MAKS Press, 2003. Issue. 23. P. 38–51.
8. *Ivanova S.V.* Political media discourse in the focus of linguoculturology // *Political Linguistics*. 2008. No. 1 (24). P. 29–33.
9. *Klimovich N.I.* Perception of political discourse: communicative-pragmatic dimension // *Linguistics & Polyglot Studies: Journal*. No. 3 (15) / Ch. ed. V.A. Iovenko. M.: MGIMO-University, 2018. P. 14–24.
10. *Leontovich O.A.* From russia with love: culturallz specific meanings in political discourse // *Political Linguistics*. 2011. No. 1 (35). P. 20–23.

11. *Matveeva G.G.* Fundamentals of pragmalinguistics: textbook. Moscow: INFRA-M, 2022, 205 p.
12. *Matveeva G.G., Zyubina I.A., Lesnyak M.V., Murugova E.V.* Pragmalinguistic aspect of the speech behavior of communicants in the situation "Insult" // *Modern Theoretical Linguistics and Problems of Forensic Science: a collection of scientific papers based on the results of the International Scientific Conference "Modern Theoretical Linguistics and Problems of Forensic Science" (Moscow, October 1–2, 2019)*. M.: State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, 2019. P. 529–558.
13. *Radishcheva V.O., Sineokaya N.A.* Linguo-culturological markedness of german political discourse (by the material of public political addresses of Angela Merkel) // *Philology. Theory & Practice*. 2016. No. 11-3 (65). P. 159–164.
14. *Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D.L., Shamanova M.V.* Basic concepts of linguocriminalistic expertise: a reference guide / Under scientific. ed. prof. I.A. Sternina. Yaroslavl: Publishing House "Kantsler", 2013. 80 p.
15. *Sulina O.V.* Political media discourse as an element of discursive space // *Journal of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2014. No. 1. P. 217–222.
16. *Chekunova M.A.* Political internet-communications in modern public discourse: the problem of contextualization. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2017. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-internet-kommunikatsii-v-sovremennom-obshchestvennom-diskurse-problema-kontekstualizatsii> (accessed 05.12.2022).
17. *Sheina I.M.* Experience in creating a communication process model for situations of intercultural communication // *Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*. 2009. No. 3. P. 51–56.
18. "Beleidigte Leberwurst": Ukraines Botschafter Melnyk in der Kritik. – URL: <https://www.ndr.de/kultur/sendungen/journal/Der-ukrainische-Botschafter-bezeichnet-Scholz-als-beleidigte-Leberwurst,melnyk136.html> (accessed 14.10.2022).
19. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/wb/beleidigte%20Leberwurst> (accessed 09.01.2023).
20. "Die beleidigte Leberwurst". The Ukrainian ambassador came up with a nickname for German Chancellor Scholz. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27387/4581786/> (accessed 24.10.2022).
21. *Brown P.* Speech as a Marker of Situation // *Social Markers in Speech* / K.R. Scherer, H. Giles (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 33–62.
22. *Hymes D.* The ethnography of speaking / 7 *Anthropology and human behavior* / Gladwith Th., Surrtevant W. (eds.). Washington, DC: Anthropological society of Washington, 1962. P. 13–53.
23. *Jackobson R.* Linguistics in Relation to Other Sciences // *Selected Writings of Roman Jakobson*. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1971. P. 655–696.
24. Kurt Becks Arbeitslosen-Schelte "Waschen und rasieren, dann kriegen Sie auch einen Job" Von Björn Hengst und Carsten Volkery. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/kurt-becks-arbeitslosen-schelte-waschen-und-rasieren-dann-kriegen-sie-auch-einen-job-a-454389.html> (accessed 23.01.2023).
25. Nathanael van der Beek, Erlaubte Interessensvertretung oder unzulässige Einmischung?: Der ukrainische Botschafter und das Diplomatenrecht, *Völkerrechtsblog*, 20.04.2022, doi: 10.17176/20220420-182045-0. – URL: <https://voelkerrechtsblog.org/erlaubte-interessensvertretung-oder-unzulaessige-einmischung/> (accessed 12.12.2022).

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 17.03.2023.